

XXIV. ПОЕЗДКА В ЛОНДОН

Вскоре после того как Добролюбов стал постоянным сотрудником «Современника», он убедился, насколько прозорлив был Чернышевский, когда при начале их знакомства указывал на либеральные колебания Герцена. Летом 1859 года колебания эти завершились прямым выступлением издателя «Колокола» против «Современника»; причем непосредственным поводом к выступлению Герцена послужили как раз критические статьи самого Добролюбова, а также сатирические заметки в журнале, направленные против либералов.

За несколько месяцев до этого инцидента «Современник» по инициативе Добролюбова открыл новый отдел — «Свисток» — с целью бичевать общественные пороки, преследовать «зло и неправду» с помощью смеха и шутки.

В задачи «Свистка», по мысли Добролюбова, должно было входить сатирическое осмеяние не только откровенных реакционеров или, говоря языком того времени, *рутинистов*, но и так называемых *прогрессистов*, то-есть людей, которые громко кричали «о современных успехах цивилизации, о правде, свободе и чести,

без надлежащего усвоения себе истинных начал просвещения и грамотности».

Нововведение «Современника», сразу же завоевавшее признание у читателей, вызвало смятение в рядах представителей буржуазно-дворянского либерализма, которые подвергались беспощадному разоблачению на страницах «Свистка».

Особенное возмущение в их стане возбудило то, что «Современник» показал истинный характер вошедшей тогда в моду «обличительной» литературы. Рвение, с которым ее творцы предавались дозволенной «сверху» критике частных и мелочей, не только не подрывало устои самодержавно-крепостнической власти, но, напротив, отвлекало внимание читателей от существа дела, ибо сатира такого рода «не хотела видеть коренной дрянности того механизма, который старались исправить».

Благодаря процветанию этого вошедшего в моду жанра, совершенно безобидного и безвредного для власти, создавалась видимость гласности, видимость свободного участия литературы в общественной жизни страны. Против подобной «обличительной» литературы Добролюбов решительно выступил не только на страницах «Свистка», где печатались главным образом колкие заметки, пародии, фельетоны, но и в своих больших критических статьях и обзорах.

Так, например, в «Литературных мелочах прошлого года» в апрельской книжке «Современника» Добролюбов жестоко высмеял всю несложную механику, с помощью которой беллетристы-обличители стряпали свои невинные экзерсисы. «Писарям, становым, магистратским секретарям, квартальным надзирателям житья не было. Досталось также и сотским и городовым. Если же и задевались иногда губернские чины, то обличение

большую часть слагалось по следующему рецепту: выдвигался благороднейший губернатор, благодетель губернии, поборник законности и гласности, около него группировалось два-три благонамеренных чиновника, и они-то занимались каранием злоупотреблений». (Нетрудно заметить, что строки эти прямо перекликаются с горькими мыслями Гоголя о невыносимой стеснительности дозволенных границ сатирического изображения, высказанными им в «Театральном разъезде», в «Носе» и в ряде других произведений.)

«Но вслушайтесь в тон этих обличений, — продолжает Добролюбов, — ведь каждый автор говорит об этом так, как будто бы все зло в России происходит только от того, что становые нечестны и городовые грубы».

Герцен не сумел оценить революционную направленность политической сатиры «Свистка» и энергичной борьбы Чернышевского и Добролюбова против вредного увлечения мелкотравчатым обличительством.

1 июня 1859 года он напечатал в 44-м листе «Колокола» свою известную статью «Very dangerous!», полную резких и несправедливых выпадов против редакции «Современника», якобы посягнувшей на основы зарождавшейся гласности в России.

Защита либерального обличительства была центральной темой статьи Герцена. Но есть основание предполагать, что он был задет не столько осмеянием обличительного направления, сколько проводившейся в статьях Чернышевского и Добролюбова общей переоценкой роли людей сороковых годов. Еще в рецензии на «Стихотворения» Огарева, напечатанной в 1856 году, Чернышевский поставил вопрос об отношении революционного поколения шестидесятников к дворянской революционности. Дворянские деятели сороковых го-

дов уже не могли быть вождями поколения революционеров-разночинцев, которые остро чувствовали отсутствие твердой последовательности и решительности в действиях своих предшественников.

«Онегин сменился Печориным, Печорин — Бельтовым и Рудиным. Мы слышали, — писал Чернышевский, — от самого Рудина, что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника. Мы ждем этого преемника, который, привыкнув к истине в детстве, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на нас; мы ждем такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышались бы не робость теории перед жизнью, а дсказательство, что разум может владычествовать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями».

С еще большей ясностью и прямою высказал аналогичные мысли Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous».

Излюбленные герои дворянской литературы, так называемые «лишние люди», почитавшиеся в своей среде «солью земли», ни в какой мере не могли служить примером для «новых людей», которые готовились к смертельной схватке с ненавистным им общественно-политическим строем царской России. «. Нам все кажется, — писал Чернышевский, развенчивая «лишнего человека», — будто он оказал какие-то услуги нашему обществу, будто он — представитель нашего просвещения, будто он лучший между нами, будто бы без него было бы нам хуже. Все сильнее и сильнее развивается в нас мысль, что это мнение о нем — пустая мечта, мы чувствуем, что недолго уже остается нам находиться под его влиянием, что есть люди лучше

его, именно те, которых он обижает; что без него нам было бы лучше жить...»

Противопоставление «новых людей» прекраснодушным и бездеятельным мечтателям, пережившим свое время и только мешающим теперь движению вперед, заняло большое место в литературно-критических работах Добролюбова (статья о Станкевиче, «Литературные мелочи прошлого года», «Что такое обломовщина?» и др.). Как бы предугадывая в общих чертах портреты людей нового времени, нашедших через несколько лет отражение в романе Чернышевского «Что делать?», Добролюбов подчеркивал твердость, спокойствие и решительность «новых людей», их чуждость туманным абстракциям, их вражду ко всякому фразерству и самолюбованию, их крепкую связь с окружающей жизнью.

Именно этих черт не хватало главным героям дворянской литературы, галерею которых от Онегина до Бельтова завершил, наконец, образ Обломова.

«Общее у всех этих людей, — говорит Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?», — то, что в жизни нет им дела, которое бы для них было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религией, которое бы органически срослось с ними... Они только говорят о высших стремлениях, о сознании нравственного долга, о проникновении общими интересами, а на поверку выходит, что все это — слова и слова. Самое искреннее задушевное их стремление есть стремление к покою, к халату, и самая деятельность их есть не что иное, как *почетный халат*... которым прикрывают они свою пустоту и апатию... Пока не было работы в виду, можно было еще надувать этим публику; можно было тщеславиться тем, что мы вот, дескать, все-таки хлопочем, — ходим, говорим, рассказываем... Остановите

этих людей в их шумном разглагольствовании и скажите: «Вы говорите, что нехорошо то и то, что же нужно *делать?*» (курсив мой. — Н. Б.). Они не знают... Предложите им самое простое средство, — они скажут: «Да как же это так вдруг?» Непременно скажут, потому что Обломовы иначе отвечать не могут... Продолжайте разговор с ними и спросите: «*что же вы намерены делать?*» Они вам ответят тем, чем Рудин ответил Наталье: «*Что делать?*» Разумеется, покориться судьбе. Что же делать!»

На этот вопрос могли ответить по-настоящему не Рудины и не Бельтовы, а те «новые люди», которых избрал Чернышевский в 1862 году в герои своего романа «Что делать?».

Чернышевский стоял в гуще российской действительности. Все слои русского общества были перед его глазами. Он воочию видел народ, изнемогавший под гнетом крепостничества. Он верил в народ и звал его к пробуждению, тогда как Герцен, по словам Ленина, «принадлежал к помещицкой, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него»¹.

Мы знаем, что в дальнейшем Герцен преодолел свои колебания «от демократизма к либерализму» и решительно стал на сторону противников самодержавия. Но в описываемое время ему была чужда революционная тактика вождей «Современника», ибо он еще верил в возможность улучшений в жизни русского народа по доброй воле царя и дворянства.

В статье «*Very dangerous!*» Герцен в полемическом пылу поставил знак равенства между реакционерами, стремившимися душить свободное слово в России, и

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 12.

авторами «Современника» и «Свистка», бичевавшими либеральных болтунов. Он заключал свою статью оскорбительным намеком: «Милые паяцы наши забывают, что по этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина и Греча, но (чего, боже сохрани) и до Станислава на шее. .»

Ранним утром 5 июня взволнованный Некрасов пришел к Добролюбову с известием о неожиданном выступлении лондонского изгнанника против «Современника». Сам Некрасов еще не видел номера «Колокола», но в клубе, где он был, ему сообщили, что в статье содержится намек на то, что «Современник» подкуплен властями. «Если это правда, — записал в тот же день в своем дневнике Добролюбов, — то Герцен человек вовсе не серьезный: так легкомысленно судить о людях в печати ужасно дико. Но чем более думаю я об этом известии, тем более убеждаюсь, что Некрасову только так показалось и что в сущности намека этого нет. Нужно поскорее достать «Колокол» и прочесть статью, а затем решиться, что делать. Во всяком случае надо писать Герцену письмо с объяснением дела. Меня сегодня целый день преследовала мысль об этом, и мне все было как-то неловко, как будто у меня в кармане нашлись чужие деньги, бог знает как туда попавшие... Однако хороши наши передовые люди. Успели уж пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс, при инициативе сверху, под покровом законности. Я лично не очень убит неблаговолением Герцена, с которым могу померяться, если на то пойдет; но Некрасов обеспокоен, говоря, что это обстоятельство свяжет нам руки, так как значение Герцена для лучшей части нашего общества очень сильно. В особенности

намек на бюро оскорбляет его, так что он чуть не решается ехать в Лондон для объяснений, говоря, что такое дело может кончиться и дуэлью. Ничего этого я не понимаю и не одобряю, но необходимость объяснения сам чувствую, и для этого готов был бы сам ехать...»

И Некрасов и Добролюбов полагали, что при свидании надобно добиться от Герцена во что бы то ни стало отказа от статьи. Ехать в Лондон пришлось, однако, не им, а Чернышевскому. По словам Антоновича, Некрасов счел кандидатуру Добролюбова менее подходящей для этой цели. Он опасался, что прямолинейная резкость Добролюбова затруднит ведение переговоров. Сам Чернышевский не ждал от этой поездки никаких благоприятных для «Современника» результатов; ему казалось, что Герцен «ни за что на свете не согласится уронить себя в глазах читающей публики, отказавшись от своих слов и тем признавши, что эти слова — неправда, ложь. Но Некрасов настаивал, умолял, и Чернышевский, сжалившись над ним, уступил и согласился, хотя и с крайней неохотой, поехать к Герцену».

Подробности этой поездки до сих пор настолько мало известны, что невольно возникает вопрос, было ли единственной ее целью объяснение с Герценом по поводу «Very dangerous!». Может быть, когда-нибудь впоследствии новые данные окончательно прояснят картину поездки Чернышевского в Лондон и прольют иной свет на последующие события в жизни Чернышевского.

Уже на пятый день после получения известия о напечатании статьи Герцена в «Колоколе» Некрасов обрattился с письмом к заведующему конторой «Современника» Ипполиту Панаеву, прося его доставить «по-

раньше сегодня» деньги, необходимые Чернышевскому, который «едет завтра за границу». Отъезд, однако, задержался на несколько дней.

В те дни, когда Чернышевский был на пути к Лондону, Гавриил Иванович ждал сына к себе в Саратов. 26 июня, в день прибытия Чернышевского в Лондон, отец писал ему и Ольге Сократовне в Петербург: «Письмо ваше, мои дорогие, от 16 сего июня получено 23 июня. Не думалось, не гадалось поездка за границу, вдобавок в Париж, — а мы готовились было 22 и 23 числа сего июня встретить тебя, милый мой сынок».

Чернышевский недолго прожил в Лондоне. Уже 30 июня он выехал обратно. Две встречи с Герценом не принесли ему удовлетворения. Антонович, со слов самого Чернышевского, рассказывает подробности его встречи с Герценом следующим образом: «Явившись к нему, я разоткровенничался, раскрыл перед ним свою душу и сердце, свои интимные мысли и чувства, и до того расчувствовался, что у меня в глазах появились слезы, — не верите, ей-богу, уверяю вас. Герцен несколько раз пытался остановить меня и возражать, но я не останавливался и говорил, что я не все еще сказал и скоро кончу. Когда я кончил, Герцен окинул меня олимпийским взглядом и холодным поучительным тоном произнес такое решение: «Да, с вашей узкой партийной точки это понятно и может быть оправдано; но с общей логической точки зрения это заслуживает строгого осуждения и ничем не может быть оправдано». Его важный вид и его решение просто ошеломили меня, и все мое существо с его настроениями и чувствами перевернулось вверх ногами...»

Антонович тщетно пытался узнать подробнее у Чернышевского, о чем он говорил с Герценом; тот перевел разговор на другие темы.

Позднее, в годы сибирской ссылки, Чернышевский в разговоре со Стахевичем передал в общих чертах содержание своей беседы с издателем «Колокола»:

«Я напал на Герцена за чисто обличительный характер «Колокола». Если бы, говоря ему, наше правительство было чуточку поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в узде, в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственной строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, а не в агентах. Вам следовало бы выставить определенную политическую программу, скажем, — конституционную, или республиканскую, или социалистическую; и затем всякое обличение являлось бы подтверждением основных требований ваших; вы неустанно повторяли бы свое: «*ceterum censeo Carthaginem delendam esse*» («Карфаген должен быть разрушен»).

В мемуарах современников сохранились отзывы Герцена и Чернышевского друг о друге, вызванные их встречей. «Какой умница, какой умница... и как отстал, — сказал Чернышевский о Герцене. — Ведь он до сих пор думает, что продолжает остроумничать в московских салонах и препирается с Хомяковым. А время идет теперь с страшной быстротой: один месяц стоит прежних десяти лет. Присмотришься — у него все еще в нутре московский барин сидит».

«Удивительно умный человек, — заметил в свою очередь Герцен, — и тем более при таком уме поразительно его самомнение. Ведь он уверен, что «Современник» представляет из себя пуп России. Нас, грешных, они совсем похоронили. Ну, только, кажется, уж очень они торопятся с нашей отходной — мы еще поживем».

Сохранилось два письма Чернышевского, в которых говорится о его поездке в Лондон. В первом из них,

адресованном Добролюбову из-за границы и написанном во время лондонских переговоров, Чернышевский подчеркивает, что он ездил не понапрасну, но что оставаться долее в Лондоне ему было бы скучно, ибо он остро почувствовал, что собеседник его стоит на позициях либералов.

Во втором письме (к издателю Солдатенкову), написанном уже совсем незадолго до смерти, Чернышевский, вспоминая о своем путешествии в Лондон, говорит, что в переговорах по существу дела Герцен вынужден был занять оборонительную позицию.

Так или иначе, но вскоре после отъезда Чернышевского из Лондона в одном из очередных номеров «Колокола» появилась заметка, в которой говорилось: «В 44 листе мы предупреждали наших русских *собратьев*, слишком нападавших на изобличительную литературу, что они этим путем, сознательно или бессознательно, помогут наставительному комитету. Нам бы чрезвычайно *было больно*, если бы *ирония*, употребленная нами, была принята за оскорбительный *намек*. Мы уверяем честным словом, что этого не было в уме нашем; если бы оно было, то мы иначе стали бы обличать!.. Нельзя же *manière de dire*, образ выражений, особенно иронических, брать в прямом смысле... Мы не имели в виду ни одного литератора, мы вовсе не знали, *кто писал статьи*, против которых мы сочли себя в праве сказать *несколько слов*, искренно желая, чтоб наш совет обратил на себя внимание».

В начале 1860 года в 64-м листе «Колокола» появилось «Письмо из провинции» за подписью «Русский человек». До сих пор остается спорным вопрос об авторе этого письма, но совершенно очевидно, что если оно было написано и не самим Чернышевским, то человеком, близко стоявшим к его кругу.

Автор «Письма» ясно доказывал, что не следует верить в «добрые намерения» царей, так как подобная вера не оправдывается ни историей, ни современным положением в стране.

«С начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после издания рескриптов все очутились в чаду, — как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землей. Все заговорили об умеренности, обширном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою».

Обращаясь к Герцену, автор заканчивал письмо призывом: «Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, — перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! *К топору зовите Русь!*»

Ответ Герцена на «Письмо» еще раз показал, как серьезны были в то время его расхождения с революционными демократами. «К топору, этому *ultima ratio* (т. е. последнему доводу) притесненных», он отказывался звать «до тех пор, пока останется хоть одна радужная надежда на развязку без топора».

Однако кровавая расправа царского правительства с крестьянскими бунтами, возникшими с новой силой после осуществления реформы 1861 года, раскрыла Герцену глаза, и он, отбросив колебания, твердо стал на сторону революционной демократии. Его «Колокол» переменил тон: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще, крепостное право не отменено. Народ царем обманут!» — говорилось в 96-м листе «Колокола».

Не вспоминал ли с болью Герцен о своих беседах с глазу на глаз с Чернышевским, когда до него дошла

в 1862 году весть о том, что его собеседник заключен в каземат Петропавловской крепости?

Трагическая судьба Чернышевского не переставала волновать издателя «Колокола» до конца его жизни. Он проклинал палачей Чернышевского, которого называл великим борцом за свободу родного народа и одним из самых замечательных русских публицистов.

Но в период расхождения с Чернышевским Герцен, как это уже отмечалось выше, по своим взглядам был ближе к либеральному кругу литераторов и общественных деятелей. 16 сентября 1859 года Тургенев писал ему из Парижа: «Собственно, пишу я к тебе, чтобы узнать, правда ль, что тебя посетил Чернышевский и в чем состояла цель его посещения и как он тебе понравился?»

Сам Тургенев все более и более отдалялся от редакции «Современника», а в 1860 году, после того как появилась рецензия Чернышевского на книгу Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии», косвенно затрагивавшая роман «Рудин», он заявил о своем окончательном отказе состоять в числе сотрудников «Современника».

Таким образом, непримиримая последовательность революционно-демократической программы журнала, осуществлявшаяся Чернышевским и Добролюбовым, привела к расколу внутри редакции. Еще ранее Тургенева отошли от «Современника» Григорович, Гончаров, Островский, Лев Толстой; обязательное соглашение об исключительном участии этих писателей в «Современнике» утратило свою силу.

Но это не поколебало решимости Чернышевского и Некрасова оставить неизменным направление журнала. В объявлении об издании «Современника» на 1862 год говорилось: «Направление «Современника»

известно его читателям. Продолжая по мере возможности развивать это направление в приложении к разным отраслям науки и жизни, редакция в последние годы должна была ожидать изменения своих отношений к некоторым из сотрудников (преимущественно беллетристического отдела), которых произведения в прежнее время, когда еще направления не обозначились так ясно, нередко с удовольствием встречаемы были читателями в нашем журнале. Сожалея об утрате их сотрудничества, редакция, однакоже, не хотела, в надежде на будущие прекрасные труды их, пожертвовать основными идеями издания, которые кажутся ей справедливыми и честными».

Если три года тому назад, в период редактирования «Современника» в отсутствие Некрасова, Чернышевский был озабочен тем, чтобы привлечь на свою сторону таких писателей, как Тургенев, Лев Толстой, Островский и др., то теперь он окончательно убедился в неосуществимости этого намерения и понял, что пути их различны. В статье «Полемические красоты» Чернышевский так объясняет отход Тургенева от «Современника»: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись».

Теперь рядом с Чернышевским стояли люди иного образа мыслей, люди, так же как и он, стремившиеся к одной цели — к революционному перевороту. Эта цель объединила Добролюбова, Михайлова, Шел-

гунова, Тараса Шевченко, Сераковского и многих других.

К ним тянулась революционно настроенная студенческая и офицерская молодежь. Влияние этого авангарда, возглавляемого Чернышевским, росло не по дням, а по часам, и круг близких к нему людей непрерывно расширялся. Номера «Современника» со статьями Чернышевского, Добролюбова, Шелгунова, со стихами Некрасова, с переводами произведений Шевченко, с очерками и стихотворениями Михайлова жадно прочитывались и передавались из рук в руки. В одном из писем Салтыкова-Щедрина начала 1860 года из Рязани говорится о необычайном успехе журнала среди читателей: «Всего более в ходу «Современник»; Добролюбов и Чернышевский производят фурор...» Около этого же времени и Некрасов отметил в письме к Добролюбову исключительно быстрое упрочение общественно-литературной репутации Чернышевского: «Ход ее напоминает Белинского, только в больших размерах», — указывал поэт.

По возвращении из Лондона Чернышевский побывал летом на родине и 1 сентября вернулся в Петербург. К этому времени относится начало тесного сближения его с великим народным поэтом Украины Тарасом Шевченко.

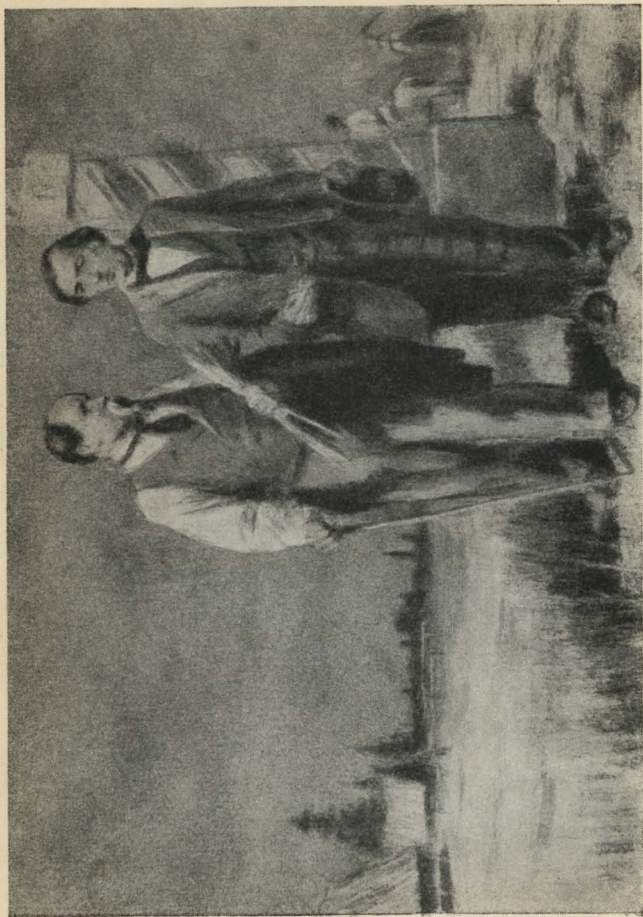
Незадолго до этого Шевченко, отбыв десятилетний срок ссылки в одном из оренбургских линейных батальонов, приехал в Петербург. Радостно встретили здесь поэта друзья его по ссылке — польские революционеры Сераковский и Желиговский. Первый из них, вернувшийся в Петербург из оренбургских степей несколькими годами раньше Шевченко, давно уже находился в близких отношениях с Чернышевским. Не раз, разумеется, рассказывал Сераковский Николаю Гаври-

ловичу о своем друге-поэте, которого он с нежностью называл «батькой» и «нашим лебедем».

Сведения о встречах Чернышевского с Шевченко удивительно скупы. Есть что-то преднамеренное в этой скупости. словно бы вчерашний ссыльный украинский поэт и глава русских революционных демократов условились между собою о том, что как можно меньше должны знать посторонние об этих встречах.

И было их, конечно, больше, чем осталось об этом свидетельств. В альбоме Ольги Сократовны сохранилось несколько зарисовок, сделанных Шевченко в гостях на даче у Чернышевских в Любани, под Петербургом, где они жили в 1860 году. Свидания в Балабинских номерах и на «вторниках» Костомарова — вот, кажется, и все, что известно нам о встречах поэта с Чернышевским. Но мы не ошибемся, предположив, что сведения эти неполны.

Ряд прямых и косвенных признаков говорит о том, что во взглядах Шевченко и Чернышевского на те или иные явления жизни и литературы и на те или иные политические события было немало общего. Так, например, сопоставление дневниковой записи Шевченко с Салтыкове-Щедрине (сентябрь 1857 г.) со статьей Чернышевского о «Губернских очерках» (июль того же года) показывает, что точка зрения Шевченко на задачи гоголевского сатирического направления русской литературы была совершенно родственна точке зрения Чернышевского. Оба они считали, что первой обязанностью писателя-патриота является защита прав угнетенного народа. «Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! — восклицает поэт. — Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите,

Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко в пригороде Петербурга. (Рис. художника Ю. М. Казмичева.)

Н. Г. Чернышевский произносит речь на похоронах Н. А. Добролюбова.
(Рис. художника Ю. М. Казмичева.)

подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!»

Это писал в своем дневнике поэт, возвращаясь из ссылки. Знакомство и сближение с Чернышевским еще более укрепили его революционное мировоззрение и готовность принять участие в борьбе за лучшее будущее родины.

И Чернышевский в беседах с украинским поэтом находил порою подтверждение своих теоретических положений. Так, например, в отрывке из статьи «Национальная бестактность» (вычеркнутом цензурой) Чернышевский писал, что именно Шевченко окончательно разъяснил для него ту истину, которую он давно предполагал и сам. «Вот она, — говорит Чернышевский. — В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками... Различие национальностей не делает тут никакой разницы»

Указывая на то, что украинскому крестьянину приходилось плохо не только под властью польского, но и своего, малороссийского пана, Чернышевский добавлял, что он слышал свидетельство об этом от человека, «имя которого драгоценно каждому малороссу, — от покойного Шевченко».

Русским писателям, стоявшим во главе «Современника», близка была муза народного поэта Украины. «Имея теперь такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности», — писал Чернышевский незадолго до смерти Шевченко в статье «Новые периодические издания».

Некрасов называл Шевченко глубоко и исключительно национальным поэтом, отдавшим все свои силы

поэтическому воспроизведению жизни родной ему Украины.

Высокую оценку «Кобзаря» на страницах «Современника» дал в 1860 году в особой статье Добролюбов, утверждавший, что весь круг дум и сочувствий Шевченко «находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслию, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

